

Русская речь

Прежде, чем начинать настолько значительное, хоть и краткое, повествование, хотелось бы вкратце напомнить читателю биографию замечательного русского критика Виссариона Григорьевича Белинского. В детстве его не было ничего особо примечательного - самое обычное, не особо богатое детство на задворках Финляндии под фамилией Белинский. Но стоило Виссариону Григорьевичу поступить в Московский Государственный университет, как вместе с собственной персоной начал преображаться и внутренний хозяин этой персоны.

Увлеченность гегельянскими идеями кружка Станкевича в студенческие и последующее за ними годы сформировала в молодом Белинском тотальную убежденность в разумности всего сущего в нашем мире. После выхода ничем особо не признанной “Русской грамотности”, он решил переписать книгу с нуля, базировав ее содержания на основной идеи всепроникающей и всепронизывающей логичной и самосознающей, но не всегда доступной для обыденного понимания первородной субстанции существования, выраженной через семантико-фонетические идеи слов, провозгласённых голосом запредельного во всём человеческом. Итогом стала книга “Русская речь” - произведение поистине неоднозначное, снабженное здоровой долей скептицизма и, одновременно, глубинной мистической подоплекой.

К сожалению, царившие в те времена жесткая цензура Чугунного устава времен самодержца и императора всероссийского Николая I вкупе с тайной канцелярией Ганса Христофоровича Бенкендорфа сделали свое черное дело: книга была признана политически опасной нигилистической пропагандой антинародной бесовщины и безнравственности, считалось, что книга вносит смуту в основы умов людский, обращая чистые помыслы людей церковных в заблуждения мистической ереси. В связи с вышеназванными обстоятельствами труд Белинского был под грифом “особо секретно” отправлен на бессрочное хранение в государственный архив тайной сыскной полиции, откуда исчез бесследно всего несколько лет спустя, что внезапно обнаружилось при следующей ревизии архива.

Трудно сказать, читал ли книгу кто-либо, за исключением самого автора произведения да его цензора, признавшего книгу недостойной и поставившего на ее дальнейшем распространении жирный крест. Однако даже факт и единичного прочтения уже немаловажен: лексико-семантические программы, усиленные особой фонетическое звукописью языка, оказались запущены и принялись распространяться по ноосфере, подробно примитивному компьютерному вирусу. Белинский, конечно же, ни о каких вирусах в те давние времена даже не

подозревал, что не помешало ему искренне удивиться, проникнувшись до самых пят печалью столь глобальной своей литературной неудачи. Вскоре Виссарион Григорьевич, по-видимому, перенервничав и подорвав здоровье экспериментами с различными составами ведовских и знахарских зелий и снадобий, серьезно заболел, а после скончался в тысяча девятьсот сорок восьмом году.

В последовавшие времена на книгу “Русская речь” в рукописном варианте, даже на отдельные выписки и цитаты из нее, охотились уже всевозможные масонские ложи самых различных стран. Стоит ли говорить, что все их попытки оказались неудачными и были обречены на провал? Или же, напротив, очень даже удачными, и поэтому на провал не обреченными, а оттого никому и не известными в результате изменения реальности посредством использования заклинательных модификантов “Русской речи”. Об этом история умалчивает вплоть до настоящего времени.

В тот памятный день я решил съездить на отдых в тенистую и ароматную дубраву, возраставшую и тянущуюся где-то далеко за городом к нашему общему звёздному источнику энергии уже , вероятно, не первое столетие. Вставив в уши затычки-капли, я от скуки автобусного салона спасался мелодиями, проигрывающимися куда-то вовнутрь моей головы из аудиоджека китайского плеера недорогой, но довольно неплохой нонеймовой фирмочки. Когда из-за горизонта, точно огромное полупрозрачное веко на курином глазу небесной полусферы, вылезла своими вкраплениями кварцевых созвездий летняя душноватая ночь, исполненная стрёкота кузнечиков и светлячковых маячков в траве, я всё ещё наблюдал за окном автобуса проплывающие огни далёких полевых деревень, раскрашенных в подсвеченные тона полупустыни и лесостепи .

Я расслабился и тут заметил в окне узоры, которые не могли быть ничем иным, кроме как весьма странным и невероятно неожиданным в своём появлении и проявлении знаком, о смысле которого мне пока что задумываться не приходилось. Со временем все жилые населённые пункты отдалились и стали походить на догорающие в полутьме, рассыпанные в случайном порядке по поверхностям вдоль края света дымящиеся угольки походно-шашлычно-кашистого костерка. Когда я оказался на месте, выйдя на конечной автобусной остановке, то было настолько темно, что ровным счётом невозможно было ничего толком разглядеть. Я сделал глубокий вдох и полез под куст, чтобы укрыться теплым одеялом, забравшись спальный мешок, и, окунувшись в него с головой, так и уснуть.

Утро выдалось солнечным, но странным. Меня волокли в кукую-то одним им известную сторону пятнистые военные. Один из них в генеральном штабе, прямо среди передвижных бункеров на колёсах,

больше похожих на пчеловодные будки, и уложенных полукругом бетонных плит прямо под дубами, расхаживал в обе стороны звонко чеканя шаг. Этот человек, негромко покашливая в кулак, представился мне генералиссимусом Яном Трухом. Видимо, ластик который военный держал у себя где-то в кармане, порою циклически доставая, и в действительности был вкусным, поскольку товарищ генералиссимус периодически погрызывая ластик, брызгал слюной себе на ботинки, тут же начищая до блеска их рукавом военного камзола.

Ян, в очках и с очень-очень толстым, как варёная колбаска, лицом, расхаживал вдоль сосен и сосёнок, помахивая лазерной указкой, точно лектор в крупной аудитории или бравый джедай со световым мечом. Чётко, точно и однозначно, точно монетный двор увесистые кругляшки медяков, генералиссимус чеканил и свои собственные слова: “Всем нам известно, что наша цель - раздобыть знания по трансцендентальной философии и боевым психотехникам, разработанным одним из величайших мистиков девятнадцатого столетия Виссарионом Григорьевичем Белинским. Эти знания - тропа к истине безграничным возможностям тела и ума, а также власти, известности и богатству. А ведь все эти критически важные клады общественной мысли открыл нашим взорам и взглядам автор диалектической филологии в книге “Русская речь”.

К сожалению, ее содержание во всей точности никому не была знакома, за исключением автора и цензора. Но сила мысли в этой книге была превращена в энергию выражения свободной воли, в связи с чем каждый из нас знает книгу досконально, но не понимает это сам, и даже того, что забыл ее. Наша задача - выдавить, словно из соковыжималки, книгу из каждого человека до того момента, когда когда искатели группировки “Тихий Лес” сделают тоже самое, равно как и прочие охотники за произведением, отражающим суть существования. Для выполнения этих целей мы обладаем целостным рядом высококачественных сывороток правды, различных химических ключей и нейротоксикантов, способных раскрывать на поверхность разума даже тайно зарытое в глубинах человеческого подсознания.

А у нас, уж поверьте, есть повод для радости и светлых надежд на будущее! А также,” - продолжал генералиссимус, - “я рад представить вам своего нового специалиста-пыточника Гарха Геральда Эстакаднеллму! Генералиссимус взмахнул рукой, бритые головы остальных зрителей, похожих на постельных клопов, через хоботки праздно потягивающих в рекреационной позе свой традиционный кровавый коктейль, весьма удивились торчащей из стены установке с электронно-биологическим созданием, похожим на майского жука. По бокам жука мерцали красным и зеленым посадочные огни, а в воздухе столбиками клубились микроскопические пластинки, похожие на

летающие тарелки размером с пышный ягодный кексик. Жук отстреливался от таких “тарелок” веероподобными и чуть ли не километровыми усиками.

“Арх-арх-арх!” - зарычал шар и выстрелил в небо очередью из пулемета. Ленты пуль, висевшие поперёк жучиной тушки, зашелестели и пришли в движение. Бритоголовые солдаты растрескались и превратились в осколки гипсовых кукол, стирающие все в пыль шипящим звоном своего громоподоного пения под аплодисменты, громко раздававшиеся жестяночным эхом, как в актовом зале. Жук щелкнул жвалами и посадил всю присутствующую толпу к себе на спину. Мой разум в этот момент словно отключился, перейдя куда-то в область седалищного нерва. Но уж что я тогда сумел запомнить, так это было нечто наподобие вертолетной площадки, где вокруг круглого стола сидели насекомые, оценивая свои антенны усом мерками человеческих усиков, словно бы пытаясь услышать мысли, которые эти сомнамбулы излучали.

Люди, захваченные чуждой волей, сидели спокойно, не дергались, словно бы всю жизнь стремясь войти в гипнотическое состояние и вот тут-то вмиг и достигнув собственной цели. Жграхк, именно такое имя жук сообщил мне телепатически, неоднозначно прошелестел что-то невнятное, а затем его мшистую тушку точно бы окутали коконы шинелей, а затем, пленив жука в размер небольшого теленка, вынесли его на трибуну. Тут только до меня начало постепенно доходить происходящее, и, сопоставив в голове образы жадно желающих обхватить воздушные массы тонких палок мохнатых лапок с предыдущими событиями, кинолентой отмотавшимися у меня в голове, вдруг понял, что генералиссимус Ян и жук Жграхк - есть суть одно лицо. Ну или морда жвалистая, уж не знаю, как его назвать-то точнее.

Атмосфера вокруг существа была объята бередящими бредящую душу летающими объектами, вызывала в сознании каждого, кто имел несчастье их наблюдать, состояние постапокалиптического трансового ужаса. Посредством изменения обмена нейромедиаторов, между почим. А так - ничего в этих тарелках страшного просто не было. Самые обычные тарелки, вот и пришлось им самообороны ради проявлять свойства психоактивности, чтоб все боялись. Жук, тем временем, облачившись в их летающий металлический шлейф, торжественно продекларировал мои и без того самые худшие опасения вслух: “Я представил вам своего самого достойного бойца - самого себя, ибо я есть жук и есть генералиссимус, обретший новую форму, есть начало и конец всего, нигредо и альбеде, рождение и смерть, Белинский и его “Русская речь”!”

Приглядевшись, я заметил, что в блестящем хитине морды генералиссимуса и впрямь, кажется, проступили черты портретного

сходства с Виссарионом Григорьевичем в молодости, который, меж тем. Не умолкал ни на миг: “А теперь у нас наконец-то все готово для совершения ритуала записи скромных изречений моего великого труда “Русская речь”. Извлечем же его по слогам и по правилам, раскроем его по абзацам и по главам, разверзнем его в пучину подлежащих и сказуемых, сложноподчинённых предложений и деепричастных оборотов, представив на суд общественности из самой сущности бытия! А теперь подпольного зрителя просим занять своё подобающее ему по статусу положение.”

С этими словами меня схватили и посадили в дырку на полу, прямо под развесистыми крючковатыми бустулыгами дубов. У кряжистых добовых корней хлюпало что-то пачкающе-алое. Я принялся, лизнул и понял, что это раздавленные кислющие ягоды клюквы, или что-то изрядно на неё похожее и обильно свисающее почему-то с дубов вместо желудей. Невесть откуда тут взялись эти ягоды, да что у нас только в лесах не встретишь после реализации ещё во времена СССР государственных программ по ядерному вооружению. Сидя под развесистой дубовой клюквой я размышлял о красоте этих мутагенных ягод, светящихся даже в лучах рассветного солнца, однако, благодаря повышенной способности замечать в трансовом состоянии мне раскрылось понимание: между летающих тарелок в мерцании происходило какое-то странное движение. Сначала оно принимала свое собственное направление, а зато спустя всего несколько мгновений оно приняло движение направления моего.

Пожалуй, это просто светлячки и ничего более, тогда как общие вопросы учения - это просто результат установленный и общепринятой системы, заключенный в оболочку схемы обстановки из способов общепринятого понимания в жизни человека и мире человечества. Именно это общепринятая система разума и формирует все парадоксы и недоразумения, выражения и понимания, а также недопонимания. Хотя это даже правильно. Обстановку вокруг себя хоть и редко, да нужно менять. А сейчас психологическая обстановка ритуала как раз имела место, и она, уж поверьте мне на слово, кардинально отличалась от всего, что мне довелось воспринимать ранее.

Мои мысли успешно пересеклись с речами, которые нам громогласно и протяжно рычал, гордо стоя на арене и брызгая липкой слюной, инсектоидоморфный автор “Русской речи”. В процессе речи критика-генералиссимуса собака-писарь уселась на место судейского секретаря и разровняла площадку под собой кудлатым хвостом. По крайней мере, я увидел именно это, и понятия не имею, что там произошло на самом деле. На меня с определенной минуты неопределённостью начала наворачиваться равноинтервальная вода, тогда как я задевал за струны, протянутые прямо под ногами и чуждой

зыбкостью вкачивавшие, как по водопроводу, во всех зрителей хмурой жучий транс Белинского. Летающие тарелки посеялись семенами в почву арены, прорастая такими же гигантскими насекомыми, как и Ян Трух. Взросшие в песках зрительских симпатий, они принялись танцевать под музыку, профессионально издавая почти соловьиные трели хрюкающих звуков. Насекомое, более всего напоминающее собаку-писаря своим кудлатый хвостом, записывало всеми шестью мохнатыми лапами жирные траектории их балетных телодвижений на поверхности арены, периодически выходя за поля и вгрызаясь тем самым в черноземную почву под корнями клюквенных дубов.

Уже первые несколько строк, переведённых из книги русского критика царский времён, привлекали чистую силу выраженную в движении жуков. Когда же строки ещё начали ярко светиться, чем призвали на свою сторону роботов, бросивший все из-за кустов прямо в самую гущу развивающихся событий, казалось, что всё смешалось в лесу этом. От брюшек роботов к сторонам жуков вытянулись тонкие, едва заметные, светящиеся нити, в то время, как сами роботы хаотически, будто следуя рандомному алгоритму броуновского движения, металась в разные стороны, агонизируя в ржавых конвульсиях просрочных аккумуляторов и выгоревших транзисторов.

Люди же по-прежнему блаженно продолжали лежать в забытии, а в их действиях по отношению к окружающей обстановке не просматривалось даже намёка хоть на какое-то устремление обрести условное подобающее укрытия или даже призрачную надежду на таковое. Как раз напротив, все эти хорошие люди были полностью безучастны и смотрели пустыми остекленевшими глазами куда-то вдаль, не предпринимая вообще никаких разумных и неразумных действий.

Роботы, тем временем, поделились на колонны и замещаемые конструкции особым строем, похожим на кристаллическую решетку и, объединившись жесткими манипуляторами рук, образовали жестяные узоры прочных соединений. Внезапно подо мной провалился в люк, и последнее, что я успел заметить, так это совершенно неожиданно открывшиеся ходом куда-то в подземелье пространство, ведущее в идейные абстракции каких-то людей прошлого, в образе которых я на сей раз без труда узнал на редкость бледного и со взором горящим Виссариона Григорьевича Белинского, ничуть не похожего на жука, и настолько же бледного цензора книги “Русская речь”. Да! Все в мире разумно! И представление генералиссимуса Яна Труха было не более, чем обманным ходом, блефом для легковверных охотников. И в насекомом не было и доли сходства с настоящим критиком, а кажущееся подобие было вызвано, по-видимому, суггестией по отношению ко всем остальным, призванной заставить довериться генералиссимусу и последовать за политической безыдейной машиной

его личной лжи, посредством которой он целиком и полностью подделал текст “Русской речи”. Настоящий же, хоть и чуть зеленоватый на вид, Виссарион Григорьевич, был здесь, пленником подвальных катакомб совместной воли Яна Труха и собственного цензора, и пленник этот кричал, насаживая выдранный с корнями кедр, каким-то чудом выросший в дубраве, прямиком на верхушку цензора, тоже, к слову, пойманному в подвал генералиссимуса через обманный путь морализатора, льстеца и подхалима. Цензор, осознав свою ошибку, обратился в трухлявый пенёк, но от неожиданности получения кедром по пню выдал собственную дислокацию, довольно щекотно захохотав противным тонюсеньким голоском, как москит в лакокрасочном отделе хозмага.

Цензор перестал быть пнём тогда, воспрянул и воскликнул: “Из-за вашей книги, Виссарион Григорьевич, мы и станем подобными нежити окаянной, вампирам и всяким там жукам, как вот эти!” Цензор искренне переливисто захохотал и принялся отплясывать на голове неожиданно торчащими во все стороны корешками.

- Вы ограничиваете самосознание против воли народной, - отвечал ему Белинский. - “От цензуры теперь настало самое время освободиться, найти свою принадлежность основам нового времени, обрести самоидентичность наконец-то!” - критик уплетал за обе щеки бутерброд со здоровой долей козьего сыра. Пересоленного, к слову, невероятно, ну это так чтоб знали. Белинский недовольно взглянул на цензора, когда последний редким движением ловкой руки отобрал у критика бутерброд, лишь чуть помедлив, а затем сразу же превратил хлебобулочное с сыром изделие в народную армию.

Будто бы охваченный сильным снотворным, поставленным незаметно прямо под самым носом, Виссарион Григорьевич оказался схвачен и окутан сознанием пня, прервавшим все планы на истинное раскрытие текстов книги. Литератор уже трансцендентно распространился на волновом уровне, но был ввозвращён зеркальным отражением прямо в былую центральную в основу посредством действий цензора.

Мне, вполне уже нанаблюдавшемуся на это всё театральное-инфернальное снохождение у себя под носом, прямиком из подвала прямо в глаза ударил яркий ослепительно радужный свет. Его сила и мощь были настолько зашкаливали, что я вынужден был прищуриться. Цензор пропитал обратной стороной собственной кожи вставленные в жировой слой электроды, улавливавшие его едва различимые движения, отдавая довольно неприятным запахом лекарства и еще менее приятной электрической щекоткой нервов. Справа от меня рассыпались энергетические нити в лубочках гирлянд цензора, тогда как слева отзеркаливал все те же действия уже сам

Виссарион Григорьевич.

Человек в белом халате, стоявший возле какого-то прибора, резко повернул руку, и я схватил ручку. Торопливо, не теряя ни одного мгновения времени, принялся переписывать огнём горящие символы книги “Русская речь” сформированные в процессе восстания генералиссимуса Яна и следуя почти что невнятного, но абсолютно явственно возникшему у меня чувству неопределенности в голове, выражающемуся в невозможности осознать принцип проявления ежесекундно расчерчиваемого порядку символьного набора. Прошли долгие часы воспарения и испарения, и лишь тогда я, честно говоря, с ног до головы покрывшись испариной от напряжённой работы, обратил внимание на людей, которые где-то далеко-далеко внизу в спешке лихорадочно искали какие-то электроды и приборы.

Взглянув на результат всей своей работы, я немало удивился, даже был ошарашен. Теперь о “Русской речи” Белинского не могло быть и речи! Зато остатков его безграничных величин полета мысли, давших выразить себя наизусть, оказалось вполне даже достаточно, чтобы я сумел избежать в своей судьбе жалкой участи быть поработанным жуками и роботами. Сила книги подвела меня к самому простому и самому элементарному способу побега. Я просто телепортировался, и история в сей же миг завершилась, быть может, успешно, а, может, и нет. Смотря как понимать эту самую успешность-то, под каким ракурсом смотреть и под каким соусом кушать, но это уж судить сейчас не мне, а читателю.

Да и кто знает, кто знает, быть может на неосознанных тропах хитросплетений человеческих и нечеловеческих жизней и судеб вынужденно и ради спасения запущенная мною программа “Русской речи” до сих пор выполняется. И мы, саами того не замечая, пожинаем плоды вызванных ей глобальных общемировых процессов, событий и псевдослучайностей.

*Белоусов Роман,
06 октября 2012 года.*